

КОНФЛИКТ ФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИНИЗМА

А.Н. Олейник

Memorial University of Newfoundland (Сен-Джонс, Канада)

Аннотация: В статье обсуждаются различные формы цинизма, в частности античный кинизм, господский цинизм и цинизм населения. В ней показывается, что цинизм является результатом противоречий между формальными и неформальными институтами общества. В этих условиях есть тенденция к осмеянию и отторжению формальных институтов. Особое внимание уделено распространению цинизма в современной России.

Ключевые слова: цинизм, Россия, формальные институты, неформальные институты.

Цинизм — одно из тех понятий, которое трудно определить однозначным образом. С одной стороны, оно активно используется в быту и повседневном общении, причём обыденное понимание цинизма не совпадает с научной трактовкой этого термина. В русском языке под цинизмом обычно понимают «пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство» [Ожегов, Шведова 1992]. В английском языке акцент изменён: цинизм определяется как ожидание от окружающих обмана и эгоизма [Merriam-Webster 2015].

С другой стороны, и в научном обиходе консенсус относительно трактовки цинизма отсутствует. Цинизм как философская школа предполагает один взгляд на вещи (остро критический, о чем будет идти речь ниже), тогда как цинизм с точки зрения политической науки — совсем иной (сводящийся к согласию со сложившимся порядком вещей). В этом смысле цинизм стоит отнести к числу «спорных по сути своей» понятий: при наличии множества определений невозможно выбрать одно из них, используя исключительно абстрактные, теоретические критерии [Wartenberg 1990: 12; Макаренко 2005: 73]. В данном эссе после краткого, не претендующего на исчерпывающий характер, обзора некоторых значимых для политического анализа определений цинизма, основное внимание будет уделено одному из них, предложенному Питером Слотердайком [Слотердаик 2009].

Подход Слотердайка отличается как от обыденного понимания цинизма, так и от ряда научных определений данного феномена. В нем делается акцент на противоречии между формально декларируемыми и неформально разделяемыми ценностями и нормами как источнике цинизма вообще и политического цинизма в частности. В этой логике источником ци-

низма является разочарование людей в формальных институтах в результате неспособности этих институтов соответствовать внутренним убеждениям людей. Согласно наиболее общему пониманию институтов, их роль заключается в установлении «правил игры», или, выражаясь иначе, рамок взаимодействий людей [North 1990: 3]. Циники ощущают, что играют в «чужую» игру, правила которой они не приемлют.

Кинизм

Цинизм античного времени, или кинизм, занимает особое место в ряду различных проявлений цинизма. И не только потому, что, собственно, с кинизма начинается свой отчёт история цинизма. Кинизм отличает резкое неприятие жизни по тем правилам, которые не соответствуют человеческой природе, существу человека [Foucault 2011b: 165–315; Слотердайт 2009: 178–181]. Задача киника — наиболее известным среди них был древний грек Диоген — было вскрытие любой фальши и неестественности в отношениях между людьми, в особенности в поведении власть предержащих. Киник стремился показать людям, «что их образ жизни отличается от того, который соответствует их естеству» [Foucault 2011b: 315]. Ориентация на потребление, излишний комфорт, стремление к власти (понимаемой здесь как способность навязывать свою волю окружающим вопреки их возможному сопротивлению [Weber 1968: 53]), желание «быть как все» и не выходить за рамки общепринятых норм, какими бы искусственными они ни были — все это, по мнению киников, достойно критики и отрицания.

Методы, которые киники использовали для достижения своих целей, были столь же радикальными, как и их цели. Провокационные и экстравагантные «перформансы» Диогена, начиная с поиска человека с фонарём среди бела дня в толпе людей (настоящего человека среди них и не найти¹) и заканчивая отправлением им естественных надобностей на публике (зачем стыдиться естественных вещей? стыдиться нужно всего того, что противоречит человеческой природе), обычно оставляют в тени менее броские, но от того не менее значимые практики паррезии (*Parrēhsia*). Мишель Фуко определяет паррезию как «способ говорения правды», ставя акцент именно на форме, а не на содержании этого донесения правды до окружающих [Foucault 2011a: 52]. В более близких к повседневной речи терминах паррезия означает «рубить (или резать) правду-матку». Киники именно «рубили правду-матку», высказывая свои сомнения о естественности тех или иных наблюдаемых ими вокруг практик, не обращая при этом внимания на лица и возможные санкции либо со стороны власть предержащих, либо со стороны не любящего слушать правду большинства. Киник критиковал любые проявления неестественности в человеческих отношениях, чего бы это ему не стоило (даже перед лицом возможной смерти).

Что служило точкой отсчёта для критики киников? С каких позиций они осмеивали превалирующие институты и общепринятые практики? Исходным пунктом для кинических атак были наиболее базовые, простые и близкие к природе аспекты человеческого поведения: ограничение питания только теми продуктами, которые действительно необходимы для поддержания организма в работоспособном состоянии (при этом Диоген дожил до глубокой старости), довольствование минимально необходимым уровнем комфорта и так далее. На первый взгляд, в контексте сегодняшнего общества массового потребления такая «естественность» вряд ли будет востребована. Однако это не так. Фактически к такому же решению — «уходу» из становящихся все более искусственных отношений, в том числе в современной семье, к естественности жизни в сельской местности, ближе к природе — приходит в своем фильме с говорящим названием «Век помраченья» (*L'âge des ténèbres*, 2007) и известный ка-

¹ Примечательно использование не прямой ссылки на Диогена Юрием Левадой, известным социологом и одним из основателей центра по изучению *общественного мнения*, ныне носящего его имя, в названии одной из его последних книг [Левада 2006].

надский кинорежиссер Дени Аркан (Denys Arcand)². К теме критики институтов с точки зрения «естественного» и по-настоящему «человеческого» я ещё вернусь, ибо она неожиданным образом находит свое продолжение в тотальных институтах, прежде всего в тюрьме.

Господский цинизм

Следующей — если придерживаться хронологического порядка — формой цинизма можно считать теорию и практику циничной политики. Возникновение этой теории связывается с именем Никколо Макиавелли и его книгой «Государь», впервые изданной в 1515 г. [Machiavelli 1903]. Согласно данному подходу, для успеха в своей деятельности власть держащим нужно научиться видеть в людях оппортунистов. «О людях вообще можно сказать следующее, учит Макиавелли. Они неблагодарны, говорливы без меры, скрывают свои действительные намерения, боятся опасностей и охочи на получение выгоды» [Machiavelli 1903: 66]. Если снять «розовые очки», то окружающие власть держащих люди — их подданные и другие властители — выглядят весьма неприглядно. Стоит ли тогда власть держащим брать на себя какие-либо моральные или иные обязательства по отношению к окружающим их людям? Макиавелли уверен, что не стоит. «Так как люди нечестны, и при любой возможности норовят обмануть, то и власть держащему не стоит чувствовать себя связанным принятыми перед людьми обязательствами» [Machiavelli 1903: 70].

Слотердаик называет подобный взгляд на людей господским цинизмом. Господский циник ни во что не ставит «холопов» — всех тех, у кого нет (или меньше) власти. Точнее, господский циник при любой возможности ставит других людей «на место», то есть всячески подчёркивает их незначимость и никчёмность. «Голиафы всех времён — от надменных ассирийских военных вождей до современной бюрократии — показывают храброму, но не имеющему никаких шансов на победу Давиду, кто на самом деле наверху, а кто — внизу; это, так сказать, цинизм на службе обществу» [Слотердаик 2009: 195].

Термин «общество» не вполне уместен в данном контексте. Поставленные «на место» власть держащими люди образуют не общество, а «население». По мнению Фуко, *общество* способно противостоять господскому цинизму, тогда как *население* соглашается с отводимой ему сугубо пассивной ролью [Foucault 2007: 43–44]. Общество проявляет активность и пытается заставить власть держащих выполнить взятые ими на себя обязательства. Население же легко управляемо. Оно лишено амбиций не только управлять, но и критиковать, выражать свое несогласие.

Цинизм населения

Обратной стороной цинического восприятия власть держащими остальных людей является цинизм последних. Эту форму цинизма можно также назвать цинизмом населения. Цинизм населения предполагает симметричный взгляд на вещи, а именно предположение коррумпированности и нечестности власти держащих. С этой точки зрения, политика — это всегда «грязное дело», а на занимающихся ей людях и «клейма ставить негде». Закономерным итогом данной формы цинизма является отсутствие со стороны населения уважения и доверия к политикам, а также преобладание у населения исключительно негативных ассоциаций с политикой и политиками [Agger, Goldstein, Pearl 1961: 477].

В отличие от господского цинизма и кинизма, эмпирические данные о цинизме населения более доступны. В случае кинизма основным препятствием для эмпирического изучения является удалённость во времени (не сохранилось ни одной работы, авторство которой одно-

² Собственно, все его творчество так или иначе связано с попытками возрождения кинической критики таких институтов, как религия (*Jésus de Montréal*, 1989), университет и академическая среда (*Le déclin de l'empire américain*, 1986 — этот фильм получил Оскара), средства массовой информации (*Stardom*, 2000) и так далее.

значно принадлежит Диогену) и собственно редкость кинической критики (уж слишком она опасна для «правдуробов»). А от власть предержащих — господ циников — вряд ли стоит ожидать открытого согласия с выводами Макиавелли. Что же касается цинизма населения, то его можно вполне успешно изучать с помощью данных массовых опросов [Agger, Goldstein, Pearl 1961; Litt 1963]. В частности, было эмпирически выявлено, что не последнюю роль в распространении цинизма населения играют средства массовой информации, изображающие политиков в негативном свете [Schuck, Boomgaarden, de Vreese 2013]. Впрочем, чем выше действительный уровень коррупции, тем меньше эффект от негатива, распространяемого сми. Люди и так не питают иллюзий.

Говоря о восприятии власть предержащих в сегодняшней России, то его вполне можно описать в терминах цинизма населения. Отвечая в апреле 2013 г. на вопрос о том, какие характеристики присущи обладателям власти, больше всего респондентов — 35% — вменило им действия исключительно в собственных интересах [Аналитический Центр Юрия Левады 2013: 44]. Справедливыми и близкими к народу увидели власть предержащих лишь 2% респондентов. С тем, что власть предержащие заинтересованы только в том, чтобы быть избранными (то есть сохранить/получить власть), а не в том, что действительно хотят избиратели, полностью согласны или скорее согласны 80% опрошенных [Аналитический Центр Юрия Левады 2013: 41]. И это несмотря на то, что российские сми, в отличие от западных, отнюдь не горят желанием показывать политиков иначе, чем в розовом цвете ввиду своей подконтрольности последним [Wilson 2005].

Специфическая модель отношений возникает в случае одновременного распространения господского цинизма и цинизма населения. Власть предержащие не ожидают ничего хорошего от населения, население платит им той же монетой. В этих условиях власть может быть реализована лишь посредством использования силы, угроз, манипуляции или обеспечения сочетания интересов на рынке [Олейник 2011: Гл. 3]. Власть по договору (подчинение которой вознаграждается с помощью стимулирования — материального вознаграждения) невозможна ввиду тенденции обеих сторон к отлыниванию от своих обязательств. Легитимная власть также недостижима ввиду взаимного недоверия и отчуждения власть предержащих и населения. В этих условиях можно согласиться с Виктором Макаренко, когда он говорит о ложности веберовской концепции легитимной власти как *общей* теории власти [Макаренко 1998: 82].

Когда «человеческое» не имеет институционального воплощения

Концепты господского цинизма и цинизма населения были предложены для изучения политических процессов (например, осуществления власти) и имеют ограниченную ценность вне политической сферы. Слотердаjk предлагает более общую теорию цинизма, которая может быть использована в анализе политики, но при этом область ее применения политикой заведомо не ограничена. Слотердаjk ищет источники цинизма за пределами узко определяемой политики и находит их в особенностях институциональной структуры общества.

Правила игры могут быть закреплены явным и неявным образом. В первом случае речь идет о формальных институтах, во втором — об институтах неформальных [Helmke, Levitsky 2004]. Например, закон и официально декларируемые ценности (такие как моральный кодекс строителя коммунизма) являются примером формальных институтов. Традиции и устойчивые, повторяющиеся образцы поведенческие образцы, которые не регламентируются эксплицитным образом, иллюстрируют идею неформальных институтов.

По логике Слотердайка, цинизм можно осмыслить как особую реакцию людей на противоречия между формальными и неформальными институтами, между тем, как им предписывается вести себя и тем, как они считают нужным вести себя. «Циническое мышление может проявиться только тогда, когда возможны два взгляда на вещи — официальный и неофициальный».

циальный, стремящийся завуалировать истину — с позиции героя и стремящийся видеть ее во всей наготе и неприкрытости — с позиции камердинера» [Слотердаjk 2009: 334]. Например, формальные институты нацеливают людей на достижение определённых идеалов, будь то самопожертвование во имя родины или индивидуальное обогащение. «Когда повседневный опыт людей обесценивает данные идеалы, их ответной реакцией становится цинизм. Везде, где рушатся идеалы, ... недалеко до цинизма, который изливает свое разочарование, толкая то, что и без этого падает» [Слотердаjk 2009: 748]. Политические институты — формальные и неформальные — представляют собой лишь частный случай. Конфликт формальных и неформальных институтов может возникнуть в любой сфере человеческой деятельности: экономике, искусстве, науке, религии и так далее.

Противоречие между формальными и неформальными институтами носит систематический характер и принимает особенно явные формы в тотальных институтах, прежде всего в тюрьме. То, как заставляют действовать оказавшихся в них людей, и то, как они сами считают нужным поступать, совершенно не совпадает. Так, в советской и постсоветской тюрьме то, как попавшие в нее люди считают нужным жить, нашло отражение в неформальных нормах, «понятиях» [Олейник 2001: 118]. Эти нормы ничего общего с Правилами внутреннего распорядка и другими официальными документами, регламентирующими повседневную жизнь заключённых. Примечательно, что в основе понятий лежит так называемое «людское», то есть то, что естественно, присуще любому человеку с точки зрения самих заключённых [Олейник 2001: 190]. Налицо попытка пойти тем же путём, что и киники, то есть выявить наиболее базовые, простые и близкие к природе нормы человеческого поведения: не кради у ближнего, умей постоять за себя и защитить свое достоинство и так далее. Распространение цинического мировосприятия в таких условиях становится практически неизбежным³.

В тотальные институты — армию, психиатрическую лечебницу, тюрьму, интернат для престарелых — люди обычно попадают помимо своей воли. Поэтому ожидать соответствия формальных и неформальных институтов в таких обстоятельствах сложно. Вне тотальных институтов, напротив, такое соответствие вполне ожидаемо. Расцвет той или иной институциональной системы — социалистической, капиталистической, или любой другой — наблюдается тогда, когда люди соглашаются с заложенными в них правилами игры и воспринимают игру как «свою».

Есть основания полагать, однако, что разочарование в формальных институтах и их отторжение выходит сегодня далеко за рамки тотальных институтов, причём как на Востоке, в том числе в постсоветской России, так и на Западе. Если это так, то циническое мышление превращается в универсальный и глобальный феномен. Эмпирическая проверка данного тезиса требует полномасштабного сравнительного анализа соотношения формальных и неформальных институтов в различных странах. В рамках данного эссе я ограничусь постановкой некоторых вопросов, ответ на которые может дать только полномасштабное сравнительное исследование. Начать стоит со следующих вопросов: какие формальные институты рассматриваются сегодня как соответствующие «человеческому», «людскому»? Можно ли назвать институты, «человечность» которых не была бы на сегодняшний день в той или иной мере дискредитирована?

Слотердаjk подробно рассматривает процесс «обесчеловечивания» религии. Институт церкви не смог сохранить тот гуманистический заряд, который был изначально в нем заложен. В реально существующей церкви — католической, русской православной или любой

³ Цинизм не является единственно возможным результатом противоречий между формальными и неформальными институтами. Вместо того, чтобы стать циником, действующий в таких условиях человек может пережить внутренний психологический кризис. Александр Бек описывает именно такой случай в своем романе «Новое назначение». Он повествует о советском управленце, остро переживающего отрицание на официальном уровне тех идеалов, которые он разделял [Бек 1988].

другой — «человеческое» было принесено в жертву интересам воспроизводства этого института и обслуживающих его лиц.

Несостоятельность «реально существовавшего социализма» начала принимать явные формы задолго до формального распада Советского Союза в 1991 г. Анализ доступных источников — например, писем в центральные газеты и журналы — показывает, что расхождение формальных институтов советского типа и повседневных практик граждан началось уже в 1970–1980-е годы [Shlapentokh 1989]. Публично заявляя о своей приверженности социалистическим принципам, советские люди все большее внимание уделяли частной жизни и взаимодействиям, которые напрямую противоречили официальным декларациям (например, блатным связям). В этом смысле Советский Союз был хорошей школой цинизма, а отнюдь не коммунизма⁴.

Не лучше дело обстоит и с той институциональной системой, которая «победила» реально существовавший в Советском Союзе социализм — либеральной демократией. Она тоже не исключает рассогласования формальных и неформальных институтов, причём по иронии судьбы это рассогласование проявляется в наиболее явном виде как раз в постсоветской России. Одним из ключевых для функционирования либеральной демократии принципов является обеспечение верховенства законов, *rule of law*. На бумаге этот принцип имеет гуманистическое содержание, будучи направленным на защиту прав человека. На практике, однако, верховенство законов оборачивается господством специалистов по их интерпретации, юристов [Oleinik 2015: Ch. 5]. А способность юристов к беспристрастной интерпретации юридических норм у многих вызывает справедливые сомнения: юристы в первую очередь действуют в личных или узко-групповых интересах [Макаренко 2013: 603]⁵.

Что касается либеральной составляющей формальных институтов, пришедших на смену советским, то и здесь есть основания для превалирования цинического мышления. С формальной точки зрения, рыночные институты функционируют согласно постулатам неоклассической экономической теории: совершенная конкуренция, свобода входа и выхода на рынки, чётко определённые права собственности, нулевые транзакционные издержки и тому подобное. Эти постулаты формальным образом закреплены как в законах (например, антимонопольное законодательство), так и в экономической политике государства (например, программы поддержки малого и среднего бизнеса).

Однако на практике рынок оказывается системой властных отношений: институты рынка используются для укрепления позиций одних участников рынка и ослабления позиций других. Так, административные барьеры используются для контроля входа на рынок и ограничения конкуренции на нем в интересах конкретных фирм. Барьеры возводят представители государства, допуская на рынок только те фирмы, которые соглашаются делиться с ними сверхприбылями и содействовать начинаниям власть предержащих иными средствами. Возникающее в результате неформальное сочетание интересов власть предержащих и допущен-

⁴ Заслуживают внимание аргументы о необходимости различения оригинального марксизма («марксизма Маркса») и той его версии, которая легла в основу советских институтов («русского марксизма»). Виктор Макаренко, например, говорит о дискредитированном характере русского марксизма, но считает, что марксизм Маркса «не устарел до сих пор» [Макаренко 2013: 78]. При этом упускается из виду эволюция собственно марксизма Маркса (в работах некоторых советских марксистов «ранний» Маркс противопоставлялся «позднему» Марксу). Можно согласиться со Слотердайком в том, что «поздний», антигуманный Маркс — это закономерный результат эволюции «раннего», гуманистического Маркса. «В учении Маркса имеет место не пропасть между „идеологической“ и „научной“ фазами, а разрыв между двумя модальностями рефлексии — между наступательно-кинической, гуманистической, освободительной рефлексией и рефлексией объективистской, господско-цинической, издавающейся и насмехающейся над стремлением к свободе у других в стиле функционалистической критики идеологий» [Слотердаик 2009: 164]. Иными словами, и в марксизме нет противоядия тенденции к рассогласованию формальных институтов и «человеческого».

⁵ Сюжет фильма «Левиафан» (2014) Андрея Звягинцева иллюстрирует эти распространённые сомнения в беспристрастности судейской системы с помощью средств кинематографа.

ного на рынок бизнеса имеет мало общего с официально декларируемой свободой конкуренции и независимостью бизнеса от власти [Олейник 2011].

Учитывая рассогласование формальных и неформальных институтов в политической и экономической сферах⁶, скептицизм россиян в отношении сложившейся на сегодняшний день институциональной системы закономерен. Ни одна из институциональных альтернатив — система советского типа, либеральная демократия западного типа и учитывающие национальную специфику институты — не пользуется у них однозначной и абсолютной поддержкой (Таб. 1). Примечательно, что популярность последней альтернативы — «государство с совершенно особым устройством и своим путём развития» — постепенно сокращается. Даже институты с национальной спецификой, видимо, не рассматриваются в качестве возможной основы для реализации «человеческого».

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос
«Государством какого типа Вы хотели бы видеть Россию в будущем?»,
Россия, 1999–2013, N=1600⁷

	1999	2008	2011	2012	2013
Социалистическим государством типа СССР	15	17	23	22	24
Государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой	35	32	30	31	33
Государством с совершенно особым устройством и своим путём развития	45	39	36	41	33
Затруднились ответить	6	11	12	7	10

Неснятый характер противоречия между существующими формальными институтами и «человеческой», «людской» жизнью объясняет превалирование циничных умонастроений в сегодняшней России. Эта тенденция может выражаться в самых разнообразных формах: господский цинизм, цинизм населения, кинизм⁸ и даже фашизм. На последнем в заключении остановлюсь особо. Слотердаик призывает рассматривать фашизм не только как политический феномен, но и как проявление цинизма в наиболее крайних, насильственных формах. Понятый таким образом, фашизм имеет шансы на возрождение уже в иных, чем в нацистской Германии, условиях.

Говоря об истоках фашизма, Слотердаик обращается к истории Веймарской республики в 1920-х — начале 1930-х годов [Слотердаик 2009: Раздел IV]. Веймарский период германской истории обычно связывается с пост-имперским синдромом, с крушением империи и его внутри- и гео-политическими последствиями [Любин 2013]⁹. Однако сводить все к распаду империи было бы неправильно. Веймарская республика явила собой пример одного из наиболее сильных рассогласований между формальными институтами демократии и неформальными институтами, превалявшими в Германии тех времён. В результате институты демократии — выборы, парламент и так далее — так и не приобрели легитимного характера в глазах населения Веймарской республики. Отсюда возможность отказа от каких-либо попы-

⁶ О рассогласовании формальных и неформальных институтов в науке требуется особый разговор [Oleinik 2014].

⁷ Источник: [Аналитический Центр Юрия Левады 2013: 36].

⁸ Именно как проявления кинизма можно классифицировать перформансы Pussy Riot, арт-группы «Война» (Член «в плену ФСБ»), Занимайся любовью «за наследника медвежонка» и другие, причём первая акция стала победителем VI Всероссийского конкурса в области современного визуального искусства «Инновация» в главной номинации «Произведение визуального искусства») и художника Петра Павленского с прибитием своих половых органов к брусчатке Красной площади в Москве.

⁹ Отсюда попытки провести параллели между тем периодом и постсоветскими трансформациями — Александр Янов был одним из первых, кто их провёл [Янов 1995].

ток легитимации, которая и была реализована Гитлером. Фашизм как насильственная форма цинизма «прямо отказывается от стараний как-то легитимировать себя, открыто провозглашая жестокость и «священный эгоизм» как политическую необходимость и как историко-биологический закон» [Слотердаик 2009: 371]. Это своеобразная месь «заносчивой власти тому, кто, как она точно знает, никогда не будет уважать ее, но во все времена станет кричать чудовищу: «Легитимируй себя или будешь повергнуто!» [Слотердаик 2009: 375]. С этой точки зрения фашизм представляется ответом господского цинизма цинизму населения: в конечном счёте власть, не находящая иных оправданий, всегда может быть оправдана насилием, причём в наиболее явной, ничем не прикрытой форме¹⁰.

Насколько велик риск превращения постсоветского политического цинизма в России в фашизм? Ответ на этот безусловно важный как с теоретической, так и с практической точки зрения требует специального исследования.

О.О. Бокоев: К сожалению, я не читал вашу книгу. Насколько мне известно, тюремная субкультура создает совершенно особую социальную среду. Какое место в этой среде занимает цинизм и кинизм? Есть ли там различия между высоким и низким?

А.Н. Олейник: Там к телу как раз такое отношение, о котором я пытался рассказать в случае Павленского, в случае войны. Он, наверное, на этот вопрос ответил бы более красочно. Социальная антропология занимается теми же проблемами. В частности, Константин Маликов как раз занимается тюремными или режимными сообществами.

Там тело как раз и является последней точкой для критики всего. Начиная с особого отношения к мужскому достоинству и заканчивая татуировками. И тело является для них последним бастионом противостояния формальным институтам, которые они по понятным причинам отрицают. Потому что они там против своей воли.

О.О. Бокоев: Какой тип государства предлагает нам наша верхушка?

А.Н. Олейник: Трудно сказать. Есть Западный путь. Есть другие пути. Есть Третий путь. Все эти названия фигурируют. Но на деле неясно, какой тип декларируется. Вот Лев Дмитриевич может скажет.

Л.Д. Гудков: Так и есть. Это отказ от идентификации с Западным типом, крайне смутная утопия о социальной защищенности, благосостояния и социального порядка. Утопическая конструкция «как в нормальных странах», с которой постоянно сравнивается наш бардак и хаос. Социалистическое государство — понятие советское. А государство с особым устройством — это осознание того, что мы никогда не будем богатой страной. Но поскольку признать это слишком фрустрирующе, то появилась форма ухода, отказа от этого — государство с особой судьбой

В.П. Макаренко: То есть, это ложные альтернативы.

Л.Д. Гудков: Это вообще не альтернативы. Если говорить о массовых установках, то это доминанта крайне смутной социал-демократии. Как вариант государственного патернализма советского типа с элементами западной демократии. Не могу даже сказать, что это модель. Но она афишируется.

Г.А. Матвеев: Ваша концепция оригинальна. Но что такое формальные институты? Бывают ли неформальные институты?

В.П. Макаренко: Герман Аронович, надо было бы Дугласа Норта прочесть 200 страниц. Там все разъяснено. А так мы тратим время научной конференции на ликвидацию собственного невежества.

Г.А. Матвеев. У государства всегда есть форма, а у вас проскальзывает элемент анархизма.

¹⁰ Здесь напрашиваются параллели между готовностью российских властей использовать неприкрытое насилие для «легитимации» своей позиции в украинском кризисе, начавшемся в 2014 г., и эксгибиционизмом [Олейник 2014].

В.П. Макаренко: Вот и хорошо, за это я его и люблю (*смех в зале*).

А.В. Оболонский (*иронически, обращаясь к Г.А. Матвееву*): Не анархизма, а синдикализма. Надо бы усвоить различие между ними. Это уже совсем другое. Это замечательная вещь.

Г.А. Матвеев: Я понимаю гуманистическую направленность вашей концепции. Вы хотите, чтобы государственные институты имели естественное человеческое измерение. Но мне кажется, в обозримом будущем этого не будет.

А.Н. Олейник: Спасибо за комментарий. Институты можно определить как правила игры. Я хочу через это определение вернуться к определению цинизма. Цинизм возникает в ситуации, когда человек вынужден играть не свою игру. Все мы знаем ситуацию, когда мы играем, но не чувствуем, что правила игры нам понятны. Что мы расцениваем институты как справедливые и так далее. Кстати, сегодняшняя мобилизация, о которой говорил Лев Дмитриевич, во многом и играет на этом ощущении, что мы так и не научились играть в эту игру, так и не научились рассматривать демократию в качестве своей игры. Давайте тогда мы будем по полной играть в эту игру деструктивно — не только в отношении себя самих, но и в отношении соседей. Так вот, существуют ли такие формальные правила, которые близки к этому человеческому, которое определяется по-разному? Может быть киническое определение человеческого, может быть «людское», и далее по аналогии. Но если аналогию с правилами игры продолжить, всегда можно найти свою игру. И опять-таки, в русском языке выражение «играть свою игру» есть ответ на ваш вопрос. Когда будет найдена своя игра — это и будет решение проблемы цинизма. Правила игры будут уважаться, не отторгаться и критиковаться, а наоборот.

Г.А. Матвеев: Люди разные. У них разные правила.

В.П. Макаренко: Это бесконечный разговор. Надо освоить концепцию Д. Норта и полемизировать с нею, а не с докладчиком, который работает в определённой теоретической традиции.

Н.Н. Евченко: Антон Николаевич, у меня вот какой вопрос. За последние 50 лет в сфере международной торговли строятся формальные институты. Создана ВТО, идут бесконечные переговоры для того, чтобы эти правила приняли большинство государств. И отдельные государства легко вступают в правила своей игры. А сегодня говорят о санкциях. Они противоречат тем институтам и правилам, которые создавались 50 лет. Мы начинаем в рамках формальных институтов решать эти проблемы. Одно государство подаёт в суд другое государство. Что является способом разрешения конфликтов в таких межгосударственных отношениях?

В.П. Макаренко: Я отвечаю одним словом: произвол.

А.Н. Олейник: Де-факто да. Произвол.

Г.В. Драч: Произвол — это проявление силы.

В.П. Макаренко: Это ты даёшь толкование. Я могу дать другое.

А.Н. Олейник: Произвол. Это действительно так. Тут даже о России можно не вспоминать. Взять Штаты и Канаду. Две Западные страны, которые изучаются в России как один кластер. Но даже там есть проблемы. Потому что с точки зрения канадцев США все время нарушают эти принципы. И поскольку канадцы не могут защитить эти принципы в других инстанциях, то им приходится смириться.

Н.Н. Евченко: Право сильного?

А.Н. Олейник: Де-факто да. Но вы говорили о другом. Возможен ли другой механизм разрешения конфликтов? Для связи с предыдущей дискуссией можно сослаться на предложение Ясперса: нужен не суд победителей (т.е. США, ЕС, России и других государств по принципу Нюрнбергского суда над нацистской Германией), а суд, основанный на других принципах. Как может этот суд работать? Никто не знает. Как работает нынешняя ООН, все знают, там ведь тоже никакой демократии нет. Особенно с учётом права вето и т.д. Нужно стремить-

ся к той модели, о которой в своем выступлении сказал Виктор Павлович, который цитирует, в свою очередь, Ясперса. Я думаю, это и будет ответом, в том числе и в отношении ВТО.

В.Ю. Попов: Антон Николаевич, история философии знает ещё одну работу, связанную с человечеством. Это «Человеческое, слишком человеческое» Ницше. Вы её учитывали при написании вашей статьи? Потому что у вас «человеческое» взято в кавычки. Напомню, что работа Ницше вызвала серьёзную критику в свой адрес. В том числе она послужила основанием для ссоры с Вагнером, другими друзьями и соотечественниками Ницше. Среди прочего в этой работе Ницше утверждал, что человеческое в конечном счёте отринет метафизику и сакральность тех норм, которые тогда господствовали. И оно может быть более глубоким основанием для построения каких-то других правил для общества. В связи с этим ещё вопрос. В сегодняшнем Западном мире существует толерантное отношение к гомосексуальности. Принято решение считать это нормальным, чтобы эта энергия не размывала социальные институты. А в России это выглядит как некий цинизм. В России считают, что гомосексуальность противоречит каким-то естественным вещам, в плане семьи, рождения детей. Прокомментируйте это.

А.Н. Олейник: По поводу Ницше. Этой его работы, к сожалению, я не читал. Поэтому не мог её использовать при написании текста. Но Слотердаjk как раз полемизирует с Ницше. И для него Ницше является крайней формой циника, который переходит в форму агрессивного циника. Поэтому Ницше был популярен среди нацистов, как бы для обоснования отрицания существующих формальных институтов. Не просто отрицания, а агрессивного отрицания. Но этой работы Ницше я не читал.

Г.В. Драч (разрумянившись): Этот вывод неправильный. Вы говорите о Ницше, а опираетесь при его оценке на других.

А.Н. Олейник: Для меня точкой отчёта был Слотердаjk. Если вы хотите спорить...

Г.В. Драч (багровея): Я не хочу спорить. Вы говорите вещи, непозволительные для историка философии...

В.П. Макаренко: Так. Опять пустозвонство.

В.Ю. Попов: Прошу не уходить в сторону, а просто ответить на вопрос об уточнении понятия «человеческое». Не более.

А.Н. Олейник: Я отвечу на вопрос ссылкой на Гумилева. По поводу поиска формы адекватной для отдельного общества, институциональной оболочке. Он говорит, что не любое общество имеет эту оболочку. Некоторые развивающиеся общества могут более активно её искать. Вы говорите об энергии, но это не мои термины. Я воспринимаю ваш вопрос в категориях Гумилева.

В.Ю. Попов: Но я к Гумилеву себя никак не отношу.

Т.А. Марченко: Ницше — интуитивист. А с позиций конструктивизма говорить об интуитивистских концепциях не стоит. Слов будет много, но толку не добавит. Переходить с этого уровня на другой уровень не надо.

В.П. Макаренко (с улыбкой): Когда на днях я проехал на авто по набережной Дона, увидел настенный лозунг: «Кошки, любите друг друга»...

В.В. Вольчик: Какие социальные ценности должны быть, чтобы выросли нормальные демократические институты. Может, таких социальных ценностей просто нет и быть не может?

А.Н. Олейник: Вернусь к тому, что я пропустил сознательно — противоречие формальных и неформальных институтов в экономике. Если говорить не о централизованной и не плановой экономике, а о той, которая существует официально и неофициально в России с 1991-го года. Принципы рынка всем хорошо известны. Но при этом всем известно, что российский и не только российский рынок на Западе не работает. Принципы рынка в России только декларируются, но нигде не воспринимаются и не работают на уровне повседневности. Российский рынок основан на основе контроле входа. Это рынок, в котором нужно ку-

пить билет для входа на рынок. И через покупку этого билета ты получаешь право на некоторые привилегии. Ограничивается конкуренция. Ты получаешь большую прибыль, но взамен ты поддерживаешь тех, кто ограничивает вход на рынок, то есть представителей российского политического класса. Поэтому цинизм в экономике имеет ту же природу, если говорить в институциональных терминах, что и цинизм политический. Это рассогласование между повседневными практиками и формальными декларированными институтами. В Советском Союзе декларировалась плановая экономика, но при этом все знали, что есть блат, плановые согласования и так далее. А в России декларируется свободный рынок, но все знают, что он заканчивается первым курсом экономической теории. Потом начинаются реальные вещи, которые никакого отношения к свободному рынку не имеют. Поэтому экономисты такие же циники, как и политики и медики. Кстати, возвращаясь к Слотердаю: всем известно на уровне повседневности, что медики — это циники. Он объясняет это через тот же самый конфликт, о котором я говорил. Через разницу между декларируемыми и реальными нормами. В экономике такой же конфликт. Экономисты тоже циники.

А.В. Оболонский: Насчёт правды-матки. Это один из фундаментальных вопросов. На Руси говорить правду-матку мог только юродивый. В китайской традиции тоже маргиналам разрешалось говорить правду перед лицом дворца. А в демократическом обществе они включены в процесс. Другой вопрос про тюремный мир. Ведь система понятий распространяется не на всех, а только на блатных. А в обыденном языке вообще подразумевается под понятиями менее жёсткая система отношений.

А.Н. Олейник: Начну со второго вопроса. Понятия — это тоже правила игры, но не писанные. Есть разные понятия. Которые регулируют поведение блатных, блатных и мужиков, мужиков, блатных и опущенных. Там «конституция» ранжированная. Там правила игры есть, и есть желание их иметь. Это в классической тюремной системе. Я подчёркиваю — в классической системе, потому что сегодня она уже практически не существует. Сегодня в тюрьме размываются эти понятия и механизмы их воспроизводства. По поводу первого вопроса, я все-таки не соглашусь с вами. Сошлюсь в данном случае на Фуко. И на его описание Диогена, которого на самом деле никто не любил. Его не любил не только Александр Македонский, хоть и уважал, а население его не любило. Тут проблема в чем. Ведь он действительно ничего не написал. И это все на уровне легенд. И если верить этим легендам, то его любили как раз проститутки, бомжи, отбросы общества. Которые видели в нем...

В.П. Макаренко: Идеолога...

А.Н. Олейник: Да. А население как раз и было демократическим большинством. Диоген имел право голоса. Но при этом он говорил, что вы меня никогда не будете слушать. Вы будете слушать Сократа, который меня тоже не любит. Сократ его тоже не любил, потому что Диоген и Сократа высмеивал.

Г.В. Драч (возмущенно): Откуда вы это знаете? Вы говорите так чётко и определённо, что историк философии, всю жизнь этим занимающийся, себе не позволил бы.

В.П. Макаренко. Гена, твоё замечание свидетельствует, что книгу Петере Слотердайка «Критика цинического разума» ты не читал. Если бы прочёл — твоего вопроса просто бы не возникло. Не отсюда ли вытекают твои постоянные кивки в сторону классиков? А ведь ещё гоголевский герой призывал не ломать стулья...

А.Н. Олейник: Вы слышали оговорку, извините. Я перейду немножко на другой тон. Я специально сказал, что основываю свои заключения исключительно на легендах. И любой, кто говорит о Сократе, да и о Диогене, делает то же самое. Потому что письменных источников у него нет.

- Аналитический Центр Юрия Левады. 2013. *Общественное мнение — 2013. Ежегодник*. — М.: Левада-Центр
- Бек А.А. 1988 [1986]. *Новое назначение*. — Кишинев: Картя Молдавянскэ.
- Левада Ю.А. 2006. *Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005*. — М.: Новое издательство.
- Любин В.П. 2013. О неготовности постимперского общества к демократии (Винклер Г.А. Веймар 1918–1933: История первой немецкой демократии / Пер. с нем. Е.Е. Земсковой, А.И. Савина. — М.: РОССПЭН, 2013). — *Полития*. — №4 (71). — С. 176–190.
- Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1*. — Ростов-на-Дону: Изд-во Март.
- Макаренко В.П. 2005. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. — М.: Практис.
- Макаренко В.П. 1998. *Русская власть: теоретико-социологические проблемы*. — Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1992. *Словарь русского языка*. — Доступно: <http://www.ozhegov.com/index.shtml>. — Проверено: 29.01.2015 г.
- Олейник А.Н. 2014. Повелители рынка: начало конца? — *Независимая газета*. — 24.12.2014 г. — С. 5.
- Олейник А.Н. 2011. *Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. — М.: РОССПЭН.
- Олейник А.Н. 2001. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти*. — М.: ИНФРА-М.
- Слотердайт П. 2009 [1983]. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА. Перевод с немецкого Л. Перцева.
- Янов А.Л. 1995. *После Ельцина: «Веймарская» Россия*. — М.: Крук.
- Agger R.E., Goldstein M.N., Pearl, S.A. 1961. Political Cynicism: Measurement and Meaning. — *The Journal of Politics* — Vol. 23. — No. 3. — Pp. 477–506.
- Foucault M. 2011a. *The Government of Self and Others. Lectures at the Collège de France, 1982–1983*. — New York: Picador/Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell.
- Foucault M. 2011b. *The Courage of Truth (The Government of Self and Others II). Lectures at the Collège de France, 1983–1984*. — Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell.
- Foucault M. 2007. *Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France, 1977–1978*. — Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell.
- Helmke G., Levitsky, S. 2004. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. — *Perspectives on Politics*. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 725–740.
- Litt E. 1963. Political Cynicism and Political Futility. — *The Journal of Politics*. — Vol. 25. — No. 2. — Pp. 312–323.
- Machiavelli N. 1903 [1515]. *The Prince*. — Oxford: Oxford University Press. Translated by L. Ricci.
- Merriam-Webster. 2015. *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*. — Доступно: <http://www.merriam-webster.com/info/index.htm>. — Проверено: 29.01.2015 г.
- North D.C. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Oleinik A. 2015. *The Invisible Hand of Power: An Economic Theory of Gate Keeping*. — London: Pickering & Chatto.
- Oleinik A. 2014. *Knowledge and Networking: On Communication in the Social Sciences*. — New Brunswick, NJ and London: Transaction Publishers.

Schuck A.R.T., Boomgaarden H.G., de Vreese C.H. 2013. Cynics All Around? The Impact of Election News on Political Cynicism in Comparative Perspective. — *Journal of Communication*. — Vol. 63. — No. 2. — Pp. 287–311.

Shlapentokh V. 1989. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing values in post-Stalin Russia*. — Oxford: Oxford University Press.

Wartenberg T.E. 1990. *The Forms of Power: From Domination to Transformation*. — Philadelphia, PH: Temple University Press.

Wilson A. 2005. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. — New Haven, CT and London: Yale University Press.

Weber M. 1968 [1922]. *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*. — New York: Bedminster Press.